

Глава I

Много взявшему много отдавать

Мглист и сер был рассвет. Игорь с уцелевшими ратниками¹ сидел на жухлой траве, стараясь сдерживать озноб. От близкой реки тянуло стылой осенней сыростью.

Разжечь костер пленникам не позволили, доспехи и плащи отняли, чтобы никто не утаил ножа. Приставленные стражники следили бдительно, да еще верховые вокруг холма кружили — не убежишь, не спрячешься. Взойдет солнце — казнят. До сих пор живы только потому, что князь Мал всю ночь победу над русами праздновал, пока пьяным не свалился. Так ведь очнется вскоре. Пьяный сон — до первой жажды.

— А вот бы утро никогда не настало, — мечтательно произнес Богдан.

Отрубленная кисть его была перевязана грязной запекшейся тряпичей, а большего и не требовалось. Все равно скоро помирать.

Еще и борода толком не отросла у Богдана, а жизнь, почитай, закончилась.

¹ Ратники — категория войск в Киевской Руси. В отличие от дружины, которая была постоянным войском князя, ратники набирались из свободных крестьян и горожан на время военных действий.

— Жадничать не надо было, — буркнул Тихомир, который сам же и орал громче всех, что надобно с древлян повторную дань сбить, а то больно жируют.

— Вот и оделись в порты шелковые, — крикнул сосед досадливо.

— Вот и обзавелись щитами медными, — подхватил кто-то.

— Не по зубам каравай оказался.

— Вся прибыль — одна погибель.

— Заткнитесь вы, — выкрикнул Игорь, сильнее обхватывая себя за трясущиеся, ходящие ходуном колени.

— Хватит ныть, — поддержал князя Ясмуд. — Без вас тошно. За чем пришли, то и нашли.

До сих пор князь Игорь его недолюбливал. Говорил Ясмуд запинаясь, удалю не отличался, от вина бледнел и мрачнел, вместо того чтобы с товарищами петь и веселиться. Однако же теперь от него исходила какая-то надежная сила, от которой Игорю чуток полегчало. Особенно когда придвинулся к нему Ясмуд и сел так, чтобы спина в спину упиралась.

— Теплее, князь? — спросил он тихо.

Вокруг полтора десятка своих, чужаков не считая, а они вроде как особняком, только двое их в рассветных сумерках.

— Теплее, — согласился Игорь. — А то зуб на зуб не попадал.

— Ну и ладно, — кивнул Ясмуд.

Это по движению спины ощутилось, что кивнул: они друг друга не видели.

— Таким же утром я женку свою встретил, — неожиданно для себя заговорил Игорь. — Ей четырнадцать лет тогда было. Я на Псковской земле зверя ловил, от ватаги отбился, всю ночь по лесу плутал.

— Ага, — сказал Ясмуд. Это чтобы дать понять, что слушает, а не дремлет.

— Рыба, слышь, плещет? — показал Игорь в сторону реки. — Я на такой же плеск пошел и на берегу оказался. Только то не рыба была, а ладья¹. Выплывает из тумана — а в ней малец сидит, веслом гребет. Я позвал, повелел доставить в селение. Так и познакомились.

— С кем? — не понял Ясмуд.

— С княжной моей, Ольгой.

Игорь умолк. Про то, что в лодке между ними случилось, постороннему не расскажешь. А случилось то, что разглядел он под рубахой мальчонки девичьи грудки и захотел проверить на ошупь, правду ли глаза подсказывают. Оказалось, все верно: не Олег перед ним был, а Олега, то есть Ольга. Она на самый край отпрянула, веслом замахнулась, да куда ей со взрослым мужиком сладить. Отобрал Игорь весло, ножик тоже отобрал, уже навалиться на девку приготовился, когда услышал: «Сраму не переживу, утоплюсь сразу. Остановись, если смерти моей не желаешь». Он посмотрел-посмотрел, и жалко стало красоту такую губить. Не тронул. А вскоре и свадьбу сыграли.

— Все глаза теперь выплачет Ольгушка моя, — произнес Игорь и, как ни силился держаться, а голос все-таки дрогнул. — Зря я Свенхильдову дружину отпустил, когда воротиться к древлянам задумал.

— Он бы тебя не послушался, — негромко заметил Ясмуд. — Чересчур норовистым стал твой воевода.

— Ты же с ним одних кровей вроде?

— Есть такое дело.

— А не пошел с ним, — проговорил Игорь и умолк, дожидаясь ответа.

¹ Ладья — маленькая ладья, лодка.

— Я не Свенхильду служу, а тебе, князь, — сказал Ясмуд.

Одновременно подняв головы, они проследили за гусиной стаей, шумно пролетевшей в просветлевшем небе. Игорь досадливо вздохнул:

— Нельзя, нельзя было дружину отпускать. Всех вместе нас не одолели бы.

— Одолели бы, князь, — возразил Ясмуд. — Только кровью большой. Видал, сколько их налетело? Тьма-тьмушая.

— Жалеешь теперь?

— О чем же мне жалеть, князь?

— Так ты тоже против повторного сбора был, — напомнил Игорь.

— А то, — подтвердил Ясмуд. — Негоже корм по второму разу отбирать. Такого разбоя ни древляне, ни кто другой не потерпит.

Он говорил по обыкновению медленно, потому что не все слова давались ему одинаково хорошо. Голос его был тих, но те, кто находился рядом, уже начали прислушиваться, словно надеясь напоследок что-то важное узнать и понять.

— Мы обычай нарушили, — заключил Ясмуд со вздохом. — Теперь древляне вправе с нами, как со зверьем хищным, обойтись.

— Что же ты здесь, коли такой умный? — спросил в сердцах Тихомир.

— Где же мне быть, как не с князем?

Сказано это было просто. Будто речь о чем-то обыденном шла.

— Спасибо, витязь, — сказал Игорь, не поворачиваясь. — И прости. У всех прощения прошу, братья мои.

— И ты прости, княже, — зазвучали голоса. — Прости нас за жадобу нашу... Подбили тебя на дело лихое... Пропали теперь ни за грош.

— Может, обойдется еще, — молвил Ясмуд.

Тихий голос его заставил всех умолкнуть и посмотреть на него в ожидании продолжения.

И оно последовало.

— А помните, братья, как на Боспоре¹ с жизнью прощались? Ты, Тихомир? И ты, Доброгнев? Неждан, Милонег?

— И то, — соглашались наперебой те, чьи имена прозвучали. — Было дело. Казалось, конец пришел. А ведь выбрались же.

— Вот! — Ясмуд со значением поднял палец. — Вы помните, а кто нет, пусть послушает. Расскажи им, князь. — И добавил чуть ли не шепотом: — Твоего слова ждут, не моего.

Вообще-то Игорь не любил вспоминать тот поход, после которого возвращаться в Киев пришлось с позором. Но сейчас история представлялась в ином свете. Тем паче что и солнце взошло над краем земли, согревая воздух и душу.

Стал Игорь рассказывать, как гоняли в Царьград² большие лады с мехом, воском и рабами, как отбивались по пути от печенегов, хазар и другого лихого народа, промышлявшего вдоль семи днепровских порогов. Как перетаскивали лады с грузом вручную, как потом теряли людей и товары в водах Черноморья, как решил Игорь завоевать Боспор, чтобы самому власть над проливом занять. Тысячу ладей с ратью повел в поход, думал

¹ Боспор (Боспорское царство, Киммерийский Боспор) — одно из античных государств Северного Причерноморья с центром на берегах Керченского пролива.

² Царьград — славянское название Константинополя, столицы Византийской империи. Сейчас это крупнейший город в Турции Стамбул.

ударить внезапно, да только болгары¹ византийцев упредили заранее и василевс² Роман первым нанес удар. Близ маяка Фарос попали ладьи под разливной греческий огонь, стали вспыхивать одна за другой, а уцелевшие по морю разбежались, где их добивали и топили дромоны и триеры³ византийцев.

Игорь с уцелевшими дружинниками укрылся на боспорском берегу, где никто не догадался их искать. Два дня и две ночи ждали они появления вражеских кораблей с огненными молниями, однако остались незамеченными и, чудом прорвавшись через пролив, на нескольких ладьях уплыли восвояси.

— Так и спаслись, — закончил Игорь, обводя взглядом притихших слушателей, — хотя никто уж не надеялся. На все воля божья. Авось и теперь удастся избежать смерти.

Он умолк, услышав приближающийся конский топот. От шатра Мала к пригорку скакали трое верховых. Древляне свистели, визжали и скалились, явно предвкушая потеху.

«Кончать будут, — понял Игорь. — Вот и вся воля божья. Не дождешься меня, Ольгушка».

Ноги ослабли, но он заставил себя встать, давая понять, что он здесь за всех своих людей в ответе. Остальные повели себя по-разному. Одни, следуя примеру Игоря и Ясмуда, тоже поднялись с травы, другие остались сидеть, словно надеясь, что их не заметят и забудут.

¹ Булгары — тюркские племена, населявшие степи Северного Причерноморья до Каспия и Северного Кавказа.

² Василевс — официальный титул правителя Византийской империи. Василевсами назывались только константинопольские императоры.

³ Дромон — быстроходное парусно-гребное военное судно; триера — боевой корабль, на котором гребцы располагались в три яруса с обоих бортов.

Солнце стояло уже на два пальца выше лесной кромки и наливалось золотым дневным светом. Однако Игоря снова затрясло, несмотря на разливающееся по склону тепло. Чтобы скрыть дрожь, приходилось делать много мелких, ненужных движений и крепко стискивать зубы.

— Что, падалыщик киевский? — спросил с веселой злостью древлянин, горяча своего коня так, чтобы тот теснил грудью Игоря. — Пришел твой час. Сейчас получишь свое сполна. Мал ждет.

Подобно другвитам, кривичам или северянкам, говорил он на понятном, хотя на слегка ином языке. Все они выплачивали дань Киеву и обычно казались смирившимися со своей долей, даже дружелюбными. Но теперь маски были сброшены.

— Веди, — сказал Игорь, не отступая перед гарцующим конем. — Я готов.

Дрожь прошла. Голос звучал ровно и ясно. Обращаясь к древлянину, Игорь смотрел ему в глаза и знал, что взгляд его прям. «*Вот каков я*», — успел подумать он, прежде чем на него набросили аркан, повалили и поволокли вниз по склону.

Петля прихватила одну руку, оставив свободной другую, которой Игорь безуспешно пытался избавиться от петли. Никто и никогда не подвергал его подобному унижению.

— А ну! — кричал он, кувыркаясь. — Стой! Пусти, пес! Сам пойду.

Всадник не слышал, подбадривая коня залихватским посвистом. Его товарищи отстали, чтобы скакать вровень с заарканенным пленником, смеясь над ним и выкрикивая что-то издевательское.

Игорь слышал плохо и видел урывками: лошадиный круп с презрительно задранном хвостом, синее осеннее небо с близкими быстрыми облаками, клочья травы

и земли, летящие из-под копыт. Он взлетал, падал... скользил... опять взлетал, опять падал. Рот наполнился медным вкусом крови, рубаха задралась, портки сползли. И все бы ничего, но понимал Игорь отчетливо, что после такой пробежки и казнь ему будет назначена соответствующая: низкая, болезненная, лютая.

Всадник протащил его через ложбину, поднялся на соседний холм, где стоял шатер с волчьим хвостом на пике. Ободранный, лохматый, с мусором в волосах, Игорь сел. Мал смотрел на него сверху вниз, упершись кулаками в бока.

— Ну шо? — спросил он. — Прискакал, князек? Пора ответ держать.

— Зачем... так... со мной? — спросил Игорь, все еще задыхаясь.

Глаза Мала покраснели после вчерашних возлияний, но выглядел он расчесанным и умытым. Кафтан из заморской парчи был наброшен прямо на плечи, рукава свободно болтались вдоль могучего тела. Острая шапка с меховой оторочкой сидела на самой макушке.

— Заче-е-ем? — переспросил Мал. — Коли волк повадился к овцам, то вынесет все стадо, если его не убить.

— Не волки мы, — возразил Игорь, садясь прямо. — Овчарки. Псы сторожевые, что в обиду вас не дают.

— Псы, говоришь? Что ж, будь по-твоему. Собачью смерть тебе назначу. Попомнишь, как Коростень грабить. — Плюнув в сторону пленников, Мал обратился к своим дружинникам. — Ну-ка, братья, гните деревья. Вон те. — Он указал пальцем на березовую рощицу в отдалении. — Был один Игорь, станет два. Оба смиренные.

Гогоча, поскакали, побежали люди от шатра к березам, пронзительно белым на фоне неба. Ужасом обдало Игоря, как будто ледяной водой из ушата облили.